

А. И. ДУБИНСКИЙ

ЗАМЕТКИ О ЯЗЫКЕ ЛИТОВСКИХ ТАТАР

Внимание научной общественности в России к литовским татарам и их языку впервые привлек профессор Петербургского университета А. О. Мухлинский. Его перу принадлежат две работы по этим вопросам¹, одна из которых — перевод записки под заглавием «Рисале-и татар-и лех», написанной в 1558 г. литовским татаринном о жизни его соплеменников в Литве и предназначенной, по словам автора, для турецких вельмож, в частности для визиря Рустем-паши, который и передал ее султану Сулейману Великолепному². Перевод «Рисале» А. Мухлинский снабдил своими комментариями и выдержками из юридических актов, связанных с литовскими татарами; оригинальный турецкий текст «Рисале» помещен как приложение к отдельному журнальному оттиску, который является сегодня библиографической редкостью и был нам, к сожалению, недоступен (поскольку авторитетность А. Мухлинского хорошо известна среди тюркологов, надежность его перевода не должна вызывать сомнений).

При освещении вопросов, связанных с языком литовских татар, необходимо сказать несколько слов об истории татарского населения в Литве. Первые сведения о поселении татар в Литве относятся к периоду правления одного из основателей литовского государства, вел. кн. Гедимина. Об этом анналист францисканского ордена в 1324 г. писал следующее: «Наши братья, отправленные для обращения литовских земель в христианскую веру, нашли весь народ погруженным в язычество, поклоняющимся огню, а между ними — скифов, пришельцев из владений некоего хана, которые в своих молитвах употребляют азиатский язык». Под упомянутыми здесь «скифами», несомненно, имеются в виду татары, так как известно, что татарские отряды в 1319 г. принимали участие на стороне князя Гедимина в его сражениях с орденом крестоносцев. Видимо, часть этих воинов и осела в Литве. Позже литовские князья неоднократно прибегали к помощи татарского войска.

Политические связи Великого княжества Литовского с Золотой Ордой, а позже с крымскими ханами достаточно хорошо известны. Самые оживленные сношения Литвы с Золотой Ордой и Крымом установились в период правления вел. кн. Витовта (по-литовски Витаутас). В конце XIX в. Витовт в результате военных действий против Золотой Орды поселил в своих владениях в Литве многочисленных пленников, приведенных им с собой³. Имеются данные и о том, что татары оседали на территории Великого княжества Литовского также добровольно. Время правления Витовта принято считать самым бурным периодом поселения татар в Литве⁴. Первые из-

¹ А. Мухлинский, Исследование о происхождении и состоянии литовских татар, СПб., 1857.

² A. Muchliński, Zdanie sprawy o Tatarach litewskich, «TeKa wileńska», 4—6, Wilno, 1858.

³ Об этом см.: «J. Długossii... Historiae Polonicae», cura et impensis A. Przewdzicki, III, libri IX—X, Cracoviae, 1876, стр. 523.

⁴ См.: S. K r u c z y Ń s k i, Tatarzy litewscy (Próba monografii historyczno-etnograficznej), Warszawa, 1938, стр. 5.

вестия о поселении татар в тогдашней столице Литвы, городе Тракай и его окрестностях принадлежат послу английского короля, фламандцу Жильберу де Лянуа, содержание которого представляет особую ценность еще и потому, что в нем содержится замечание о языке. Проезжая в январе 1414 г. через Тракай, Лянуа записал: «Также проживают в упомянутом городе Тракай [в подлиннике он назван *Trausquenne*. — А. Д.] и окружающих нескольких деревнях многочисленные татары, которые живут семьями... и у которых есть своеобразный язык, называемый татарским»⁵ (разрядка наша. — А. Д.)

При Витовте установились тесные связи не только с Золотой Ордой, но и с ханами Крыма из династии Гиреев⁶. Из дальнейшей истории известно о сношениях Литвы, а позднее, после Люблинской унии 1569 г., — Польско-Литовского государства с Крымским ханством. Сношения эти способствовали поддержанию связей поселившихся в Литве татар с Крымом.

Исторические данные свидетельствуют о том, что язык литовских татар, в основной своей массе — пришельцев из Золотой Орды, принадлежал к кыпчакской группе тюркских языков; это подтверждается и языковыми материалами (подробнее об этом см. ниже), но из-за скудости языковых фактов — только частично. Дело в том, что разговорный тюркский язык у литовских татар стал очень скоро забываться и выходить из обычного употребления. Анонимный автор упомянутого «Рисале» уже в 1558 г. указывал на то, что некоторая часть его соплеменников «покинула свой родной язык и употребляет польский»⁷. О быстрой утрате родного языка у литовских татар говорят и другие источники XVI в. Определить точную дату полного завершения этого процесса не представляется возможным; тем не менее, основываясь на различных имеющихся сведениях, можно считать, что основная масса литовских татар уже в конце XVI в. не говорила на родном тюркском языке.

Причину столь быстрого языкового регресса обычно усматривают прежде всего, в смешанных браках, а также в воинской службе, немало способствовавшей ассимиляции литовских татар⁸. Немаловажную роль, как нам кажется, сыграл также социальный фактор. Татарское население, которое не вело здесь замкнутого образа жизни в своей среде, стремилось подражать соответствующим социальным сословиям местного общества; это выразилось преимущественно в стремлении более знатных и влиятельных татарских родов уравниваться в правах с польской шляхтой. В совокупности все эти факторы обусловили ускоренные темпы при процессе замены родного тюркского языка местными славянскими языками окружающего населения.

Славянские языки, в окружении которых жили литовские татары, были не только введены ими в обыденную разговорную речь, но впоследствии использовались также в письменном обиходе. Самые ранние из известных нам рукописей относятся к XVII в. До нас дошли, главным образом, тексты религиозного содержания (так называемые китабы, хамаилы, далавары и отрывки переводов Корана) — ввиду того, что литовские татары ис-

⁵ См.: «Voyages et ambassades de messire Guillebert de Lannoy», Mons, 1840.

⁶ По некоторым сведениям, основатель этой династии, Хаджи Гирей родился в Литве, вблизи города Тракай (M. L i e t u v i s, Apie totorių, lietuvių ir maskvėnų papročius, Vilnius, 1966, стр. 25; см. также: Н. О р т е к и н, Kırım hanlarının şeceresi, İstanbul, 1938, стр. 5).

⁷ А. М u c h l i ŋ s k i, указ. соч., «TeKa wileńska», 4, стр. 251—252.

⁸ См.: S. S z a p s z a 1, O zatraceniu jezika ojczystego przez Tatarów w Polsce, «Rocznik Tatarski», 1, Wilno, 1932, стр. 34—48; см. также: Дж. А л е к с а н д р о в и ч - Н а с м ы ф и, Литовские татары. Краткий историко-этнографический очерк, «Изв. Об-ва обследования и изучения Азербайджана», 2, Баку, 1926, стр. 90.

поведуют ислам, все эти тексты, независимо от их языка, написаны на арабском алфавите. В молитвенниках преобладают тексты на арабском языке. Однако уже Мухлинский в своем «Исследовании» привел отрывки религиозного содержания, написанные арабским алфавитом на белорусском и польском языках⁹. Нередки также смешанные белорусско-польские текстовые фрагменты. И тем не менее, можно сказать, что в памятниках религиозного содержания, которых сохранилось больше всего, белорусский и польский языки используются, главным образом, в целях перевода. Полностью на белорусском и польском языках составлены преимущественно светские тексты, среди которых известное место занимают фольклорные и этнографические произведения. (Часть текстов написана также на тюркском языке.) Хотя литовские татары в обиходном общении, а частично и в сохранившихся зачатках литературной практики почти полностью перешли на окружающие их говоры белорусского и польского языков, все же можно получить общее представление об утраченном ими родном языке.

В настоящее время составить такое представление о тюркском языке литовских татар позволяет совокупность лингвистических факторов — сохранившаяся ономастика, весьма ограниченное количество бытовых терминов (из разговорной речи), а также языковой материал рукописных памятников. Проблематика, связанная с тюркским языком литовских татар, пожалуй, самая сложная. В литературе чаще всего затрагивались отдельные ее стороны лишь попутно¹⁰. Около 400 «восточных» слов, имен и фамилий содержит список, приложенный к труду по литовско-татарской геральдике; однако приведенные там пояснения¹¹ во многих случаях (в особенности — тюркские) требуют внимательного научного контроля. Специальных работ о тюркском языке литовских татар совсем немного. Самый большой из печатных трудов по лексикографии языка литовских татар принадлежит А. Вороновичу, который занимался собиранием слов и изречений арабско-персидско-тюркского происхождения, почерпнутых из различных источников — из разговорного языка литовских татар и из письменных памятников¹². На основании отдельных письменных памятников тюркские языковые фрагменты изучались С. Шахно, Вл. Зайончковским и А. Зайончковским¹³.

⁹ После Мухлинского рукописными книгами литовских татар занимались и другие исследователи, предпочтительное внимание оказывая белорусско-польской части рукописей: И. Ю. Крачковский, Рукопись Корана в Пскове, ДАН, Серия В, 1924, октябрь-декабрь; А. Н. Самойлович, Литовские татары и арабский алфавит, «Изв. Об-ва обследования и изучения Азербайджана», 3, Баку, 1926. См. также: М. Копораски, Piśmiennictwo Tatarów polsko-litewskich w nauce polskiej i obcej, «Przegląd orientalistyczny», 3 (59), 1966; А. К. Антонович, Белорусские тексты, писанные арабским письмом, и их графико-орфографическая система, Вильнюс, 1968 (к книге приложена обширная библиография); см. рецензии на эту книгу: «Przegląd orientalistyczny», 4 (76), 1970, стр. 344—352; «Народы Азии и Африки», 1971, 4, стр. 185—189.

¹⁰ См. например: Дж. Александрович-Насыфи, Литовские татары как часть тюркского Востока, «Изв. Об-ва обследования и изучения Азербайджана», 4, Баку, 1927, стр. 150—151, где сделана попытка объяснить (с привлечением лексического материала других тюркских языков) отдельные литовско-татарские слова, топонимы, антропонимы.

¹¹ J. Szynkiewicz, Tłumaczenia słów i nazw orientalistycznych. Herbarz rodzin tatarskich w Polsce, opracował St. Dziadulewicz, Wilno, 1929, стр. 457—473.

¹² А. Угонович, Język muślimów polskich, «Życie Tatarskie», 11, Wilno, 1934; е го же, Szczęśliki językowe Tatarów litewskich, «Rocznik Tatarski», II, Zamość, 1935.

¹³ См.: S. Szachno, Kitab tatarski Assanowicza z r. 1891, «Collectanea Orientalia», 13, 1938, стр. 6; Wl. Zajączkowski, Resztki językowe Tatarów litewskich, «Sprawozdania z czynności i posiedzeń PAU», XLIX, 8, Kraków, 1948; А. Зajączkowski, Tzw. chamałi tatarski ze zbioru rękopisów w Warszawie, там же, LII, 4, 1951.

Тюркский язык, который татары принесли с собой в Литву, принадлежал к кыпчакской группе. Об этом могут свидетельствовать древние названия родовых подразделений и сохранившиеся остатки титулатуры. Так, например, известный по старым источникам княжеский титул литовских татар *улан* — это кыпчакская форма огузского *оглан*. Некоторое сходство с номенклатурой родовых подразделений у древних кыпчаков можно усматривать в названиях литовско-татарских родов, таких, как *джалаур* (встречается и форма *ялаур*), *конграт*, *барин*. Кроме того, вплоть до XVII в. у литовских татар по традиции продолжали употребляться кыпчакские имена, известные еще в Золотой Орде и Крымском ханстве, — это имена, в состав которых входят компоненты *б'ерд'и* и *к'ел'ды*; они чаще всего встречались здесь в форме *Танры-б'ерд'ей*, *Кудай-б'ерд'ей*, *Аш-б'ерд'ей*, *К'ел'ды-яр*, *К'ел'ды-довлеу'* и проч.¹⁴

Дополнительные доказательства могут быть почерпнуты при анализе фонетики и лексического состава языка литовских татар. В области фонетики необходимо указать на чередование звуков *дж* ~ *й* в начале слова, например: *джалаур* ~ *ялаур*, *джайма* ~ *ййма* «лепешка», *джолуи* ~ *йолуи* «состязание». Явление это хорошо известно в кыпчакском языковом ареале¹⁵. Другим фонетическим показателем может быть выпадение начального звонкого *х* в некоторых заимствованиях; в качестве примера можно привести известные литовско-татарские фамилии *Асанчук* и *Асанович*, (< арабск. *Хасан*); аналогичное явление наблюдается в кыпчакском языке караймов, например: *аджы* (< араб. *хаджы*), *афта* (< перс. *хафта*) и др. Кыпчакской чертой является диссимилиация согласных *мл* > **нл* > > нл: *монла* < *молла*, *мулла* «священник»; такого рода диссимилиация хорошо известна в разговорной речи тракайского диалекта караимского языка (*уңлу* < *улли*, *куңлук* < *куллук* и др.)¹⁶.

Переходя к характеристике лексического состава, прежде всего, остановимся на словах, свойственных, главным образом, языкам кыпчакской группы (некоторые из приведенных ниже слов известны и другим тюркским языкам, но в иной фонетической форме). Сюда относятся такие слова, как *улан*, *джайма* и *бел'уш* «ватрушка с мясом» (ср. в казанско-татарском *белиш* от глагола *беле-* «пеленать, завертывать в пеленки», известного в казахском и караимском языках)¹⁷; *зирец'* «кладбище» (ср. в караимском *зерать*); *азча* «монета» (в караимском в такой же фонетической форме, в значении «деньги, монета»).

Изучение лексики письменных памятников свидетельствует о том, что на язык литовских татар оказывали влияние также другие группы тюркских языков. По мнению А. А. Зайончковского, в более древнее время это было древнеуйгурское влияние, а позднее (с XVI—XVII вв.) — османско-турецкое¹⁸. Говоря о возможности влияния древнеуйгурского языка, необходимо иметь в виду то обстоятельство, что, как известно, вся переписка в канцелярии ханов Золотой Орды велась посредством древне-

¹⁴ Подробнее об этом см.: A. Z a j a c z k o w s k i, Elementy tureckie na ziemach polskich, «Rocznik Tatarski», II, стр. 212—213. См. также: Б. Д. Г р е к о в, А. Ю. Я к у б о в с к и й, Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950, стр. 393, 403.

¹⁵ См.: М. Р я с я н е н, Материалы по исторической фонетике тюркских языков, М., 1955, стр. 161; Н. А. Б а с к а к о в, Введение в изучение тюркских языков, М., 1969, стр. 271.

¹⁶ См.: Т. К o w a l s k i, Karaimische Texte im Dialekt von Troki, Kraków, 1929, стр. XXXII; К. М. М у с а е в, Грамматика караимского языка, М., 1964, стр. 73.

¹⁷ См.: В. В. Р а д л о в, Опыт словаря тюркских наречий, IV, СПб., 1911, стлб. 1612, 1609.

¹⁸ A. Z a j a c z k o w s k i, Tzw. chamaił tatarski..., стр. 311.

уйгурского алфавита, что, естественно, привносило отпечаток элементов восточнотуркестанской группы тюркских языков¹⁹.

К сказанному необходимо добавить, что судя по историческим данным, на литовских татар и на их язык не могли не влиять также Крым и Поволжье и соответственно — крымско-татарский и казанско-татарский языки. Во всяком случае, хорошо известно посредничество литовских татар в сношениях Литовско-Польского государства с Крымом; а в более позднее время (с XVIII—XIX вв.), кроме того, отмечаются оживленные связи с Крымом, особенно в области духовной культуры. Влияние казанско-татарского языка не могло не сказываться уже потому, что переписчики рукописных книг литовских татар часто оказывались уроженцами татарских районов Поволжья — в большинстве случаев они исполняли одновременно должности духовных лиц и занимались составлением молитвенников.

Значительная часть лексического материала языка литовских татар (в особенности термины, почерпнутые через разговорный язык) указывает на сильное влияние османско-турецкого языка. Это влияние заметно, прежде всего, в фонетическом облике арабских слов: многие религиозные термины арабского происхождения передаются в произношении, близком к османско-турецкому. Например: *рес'ул'* (< араб. *расул'*) «посланник; пророк», *с'ел'ам* (< араб. *салām*) «мир»; *умм'ет* (< араб. *уммат*) «народ; сбор; приход»; *реджеб* (< араб. *раджаб*) название месяца и др. В османско-турецком эти слова имеют сходную фонетическую форму; здесь сказывается фонетическое правило перехода кратких гласных заднего ряда в разряд передних гласных. Влияние османско-турецкого языка подтверждается неоспоримыми историческими фактами. Как явствует из многих документов, литовские татары неоднократно использовались как переводчики в составе различных посольств, направляемых польскими королями в Турцию, участвовали в деловых сношениях с Османской империей; с XIX в. связи литовских татар с Турцией стали еще более усиливаться. Османско-турецкие элементы проникали в язык литовских татар и укреплялись там также, по всей вероятности, благодаря посредничеству крымско-татарского языка, который подвергался сильной османизации (в особенности — диалекты южной полосы Крымского полуострова).

Анализ лексики языка литовских татар показывает, как окружающие их славянские языки, в особенности белорусский и польский, подчиняли своему воздействию даже и немногие оставшиеся тюркские элементы в речи литовских татар. Точно провести границу между сферами воздействия этих двух языков очень затруднительно, а порой и вовсе невозможно. Воздействие славянских языков проявилось как в области фонетики, так и в морфологии. Попытаемся проанализировать проявления славянского воздействия в этих двух областях.

Более всего обращает внимание в фонетическом оформлении тюркско-арабско-персидских слов их смягченное произношение. Наблюдается палатализация некоторых согласных (в этом можно видеть влияние, в частности, белорусского языка), и, судя по дошедшему до нас языковому материалу, это, прежде всего, относится к согласным *с*, *м* и к некоторым другим; с большой долей вероятности можно также предполагать, что палатализация должна была охватывать все согласные или же значитель-

¹⁹ Некоторые сведения о письменности Золотой Орды см. в трудах: Б. Д. Г р е к о в, А. Ю. Я к у б о в с к и й, указ. соч., стр. 175—176; С. Е. М а л о в, Изучение ярыков и восточных грамот, сб. «Академику В. А. Гордлевскому к его семидесятилетия-тилетию», М., 1953; А. N. К у г а т, Topkapı Sarayı müzesi Arşivindeki Altın Ordu Kırım ve Turkistan hanlarına ait yarlık ve bitikler, İstanbul, 1940; Т. Н а л а с и К у н, Monuments de la langue tatare de Kazan, «Annalecta Orientalia memoriae A. Csoma de Kőrös dicata» («Bibliotheca Orientalis Hungarica», V), Budapest, 1942, стр. 143—145.

ную их часть. В большинстве случаев палатализация согласных происходит в окружении гласных переднего ряда и является, по-видимому, результатом их воздействия. Например: *ис'л'ам* «ислам», *с'ел'ам* «мир», *мус'ул'манин* «мусульманин», *рес'ул'* «пророк», *с'урей* «сура Корана», *гус'ел'* «ритуальное омовение», *м'ечец'* «мечеть», *м'езим* «муэдзин», *джуб'е* «одеяние лица духовного сана», *хутб'е* «хутба, проповедь», *фирд'еус* «рай» и др. Весьма близкое к этому фонетическое явление наблюдается в тракайском диалекте караимского языка, который находится в идентичных условиях славянского окружения.

В разговорной белорусско-польской речи литовских татар тюркско-арабско-персидские слова могут принимать окончание славянских падежей. В винительном и родительном падежах у слов с гласной в ауслауте появляется вставочный *й*, например: *хутб'е* — вин. пад. *хутб'е-й-у* (*sluchał chutbieju* «слушал проповедь»); *авле* — род. пад. *авле-й-у* (*išć do awleju* «направиться на полуденную молитву») (< турецк. *öğle* «полдень»); *с'еджд'е* — род. пад. *с'еджд'е-й-у* (*zblizył się do siedźdeju* «приблизился к молитвенному коврику») и т. п.

Слова, оканчивающиеся на *-и*, *-джи*, в именительном падеже получают окончание *-ей*; примеры: *кад'ей* «кади»; *муфт'ей* «муфти»; *Алей* имя собств. «Али»; *хаджей* «хаджи»; *азанджей* «азанджи; поющий азаи»; *курунджей* «знаток Корана»; *фалджей* «гадатель» и др. Здесь имеет место аналогия с восточнославянскими словами типа *ворожей* и с окончаниями прилагательных. Ср. в караимском: *заклентый* < польск. *zaklęty* «заколдованный».

Несомненным влиянием славянских языков можно объяснить форму широко известного среди литовских татар слова *далавары* «узкий и длинный свиток бумаги с молитвами»; слово это происходит от араб. *ду'а* «молитва» и содержит в себе две формы мн. числа: тюркск. *-лар* и славянск. *-ы* — *дуа* + *лар* + *ы*; вследствие метатезы и фонетических модификаций из *дуалары* образовалась форма *далавары*. Славянское мн. число легко обнаруживается в таких словах, как *хуруфы* «буквы» (здесь тоже двойное мн. число, арабское и славянское: *хуруф* + *ы*); *ансары* «помощники, сподвижники» (араб. мн. число *ансар* + *ы*). Довольно любопытное явление представлено в белорусско-тюркском изречении *буайды пець* — от первых слов *бу айда* «в этом месяце» получилось общее название религиозных гимнов *буайда*, которое приобрело затем славянскую форму мн. числа *буайды*. Из числа славянских словообразовательных морфем отметим окончания *-ын*, *-ин*, *-чик*, обозначающие принадлежность к какой-либо группе людей, например: *к'афирын* (< турецк. *kâfir* «неверующий»); *джахилин* (< араб. *джахил*) «невежда»; *арабин* «араб»; *алейчик* «шиит» и проч. Окончание польского имени прилагательного *-ны*, *-нэ* замечено в словах: *харамны* (< араб. *харām*) «запрещенный»; *харамнэ* мн. число «запрещенные».

Ласкательная форма имен образуется присоединением аффикса *-ка*, например: *дуайка* «молитвочка» (в ласкательном значении). Аффикс *-ка* является иногда показателем женского рода: например, женский род от слова *ахрец'* «сопутствующий на том свете» имеет форму *ахрец'ка*. Используются и другие аффиксы женского рода (славянского происхождения) — *-ина*, *-иня*, примеры: *моллина* «жена муллы»; *ходжин'а* «жена ходжи, учителя».

От некоторых арабских именных форм литовские татары создали при помощи славянских формантов глаголы. Пример — глагол *харамич'* (польск. *charamić*) (< араб. *харām* «запрещенный, запретный»). Ср. также глагол *захаремич'* (польск. *zacharamić*), в начале которого выступает префикс *за-*; этим глаголом обозначается один из свадебных обрядов, в соответствии с которым невесту принимают в среду женщин. Глагольная префиксация подобного рода характерна для славянских языков, а также

для языков, подвергавшихся славянскому влиянию; здесь вполне очевидна аналогия с караимским языком, где префиксы эти употребляются довольно широко в разговорной речи ²⁰.

Итак, хотя полную характеристику языка литовских татар почти невозможно составить из-за скудости языкового материала, тем не менее, вполне очевидно, что это был один из тюркских языков кыпчакской группы, подвергавшийся влиянию некоторых других тюркских, а также славянских языков и к настоящему времени почти полностью вытесненный славянскими языками окружающего местного населения. Количество зафиксированных лексических единиц этого языка не превышает 1000 слов и изречений. Но даже и употребляемые в разговорном языке еще 30—40 лет тому назад отдельные слова сегодня уже полностью забыты. В этом нам довелось убедиться лично во время пребывания с группой студентов Института востоковедения Варшавского университета летом 1967 г. в татарских поселениях в северо-восточных областях Польши ²¹. Представляется, однако, что проведение систематических и разносторонних исследований может еще в настоящее время помочь обнаружить и записать разного рода языковые данные — это относится, прежде всего, к разговорному языку; однако и рукописные источники пока еще достаточно не изучены. Укажем, к примеру, на мало исследованное своеобразное произношение арабских слов; не получили достаточного освещения также некоторые другие данные по языку (например, языковая характеристика родовых личных имен, подробное исследование тюркских элементов в рукописных татарских источниках), по фольклору и этнографии литовских татар.

Поэтому остается только присоединиться к голосу предыдущих исследователей о необходимости комплексной, совместной деятельности представителей разных научных дисциплин, в первую очередь востоковедов и славистов. Только таким образом можно будет собрать все, что еще уцелело, и только в этих условиях различные проблемы, касающиеся литовских татар и их языка, получат подлинно научное освещение.

²⁰ Более подробно об этом см.: A. D u b i ŋ s k i, Über die slawischen Einflüsse in der karaimischen Sprache, «Studia Slavica», XV, Budapest, 1969.

²¹ См. отчет об этой поездке: A. D u b i ŋ s k i, Z pobytu u Tatarów na Podlasiu, «Przegląd orientalistyczny», 4 (65), Warszawa, 1968, стр. 69—73.